

В ПОСЛЕДНИЕ предвоенные годы Евгений Петрович Петров вместе с О. Войтинской, В. Лебедевым-Кумачом, Н. Погодиным и В. Ставским редактировал «Литературную газету». К своим редакторским обязанностям Петров относился не просто ответственно, а, я бы сказал, ревностно.

— У нас многие считают, что редактор — это должность, кресло, портфель, — говорил Петров. — Чепуха! Редактор — это призвание.

В те годы на страницах «Литературной газеты» часто появлялись статьи Петрова, написанные остро, темпераментно, бескомпромиссно. Во всем, что он писал о литературе и искусстве, всегда присутствовала резко и отчетливо выраженная собственная точка зрения. Уже с первых строк читатель понимал, для чего статья написана. Петров мог ошибаться, но позицию свою каждый раз выражал с полной определенностью, непримиримо, но в то же время с необыкновенным чувством достоинства, никогда не пускаясь в «далнейшее препирательство».

Приезжая в Ленинград, Петров каждый раз навещался к Юрию Павловичу Герману. Он был старше Германа на семь лет. Теперь эта разница в возрасте давно стерлась бы. Тогда она еще ощущалась. Впрочем, это нисколько не мешало тридцатипятилетнему Петрову близко сойтись с двадцативосьмилетним Германом.

Несмотря на свою молодость, Герман был к тому времени автором уже четырех романов — «Рафаэль из парикмахерской», «Вступление», «Бедный Генрих» и «Наши знакомые». По крайней мере два из них — «Вступление», замеченное М. Горьким, и «Наши знакомые» — пользовались широкой читательской популярностью.

Ильфу и Петрову «Наши знакомые» нравились. «В ту пору, когда Ильф был уже очень известным писателем, — вспоминает Л. Славин, — он прочел только что вышедшую книгу молодого тогда писателя Юрия Германа — «Наши знакомые». Ильф лично не знал его. Но услышав, что Герман приехал на несколько дней в Москву из Ленинграда, Ильф разузнал, в какой гостинице он остановился, и пошел к нему специально, чтобы сказать этому незнакомому молодому писателю, как ему понравился его роман и почему он понравился ему».

Герман также рассказы- вает о своей встрече с Ильфом, но в его изложении она выглядит гораздо менее идиллически.

В «Записных книжках» Ильфа есть такое место:

«Большинство наших авторов страдает наклонностью к утомительной для читателя наблюдательности. Кастрюля, на дне которой наталась яича. Ненужно и привлекает внимание к тому, что внимания не должно вызывать. Я уже жду чего-то от этой безвинной кастрюли, но ничего, конечно, не происходит. И это мешает мне читать, отвлекает меня от главного».

Вспоминая эти слова Ильфа, Герман пишет: «Деликатный Илья Арнольдвич не поинтересовал книгу, в которой он вычитал про кастрюлю. Книга эта моя — «Наши знакомые».

«Насчет кастрюли, — продолжает Герман, — Ильф говорил мне со спокойным бешенством. Вообще он говорил мне очень много неприятного, почти только неприятное. Но я почувствовал, что чем-то мои сочинения его интересуют, он в них, если так можно выразиться, вмешивался».

Сам того, кажется, не подозревая, как бы мимоходом, Герман подчеркнул нечто чрезвычайно характерное для Ильфа. Не только для Ильфа, но и для Петрова. Для писателя — Ильфа и Петрова.

Ильф вмешивался в сочинения Германа точно так же, как писатель Ильф и Петров вмешивался в то, что видел вокруг себя, иными словами — в окружающую его действительность, в жизнь!

Приезжая в Ленинград, Петров неизменно вмешивался в жизнь и работу Германа. Каждый раз он заговаривал с ним о сотрудничестве в «Литературной газете». Причем делал это с настойчивостью почти маниакальной. Намечал collaborative проекты, рисовал увлекательные перспективы, выдвигал заманчивые предложения.

— Почему бы вам не стать специальным корреспондентом газеты в Ленинграде? — говорил Петров Герману. — Никакой информации мы от вас не потребуем. Пожалуйста, не путайте специального корреспондента с собственным. Вы могли бы два раза в месяц... Хорошо, хорошо, — в ответ на протестующий жест Германа заранее соглашался Петров, — раз в месяц выступать в газете со статьями, очерками, фельетонами, наконец. Кстати, — коварно улыбаясь, добавлял Петров, — мы в состоянии недурно

платить за каждое такое выступление...

Герман вежливо, но твердо отказывался.

В следующий раз Петров вновь возвращался к этой теме.

— Послушайте, Юрий Павлович, — говорил он, — может быть, вы хотите войти в редколлегию «Литературной газеты»? Это не от меня зависит, но я готов поговорить где следует...

Герман отказывался и от этого — так же вежливо и так же твердо.

Поладили на том, что Герман, не беря на себя формальных обязательств, будет время от времени публиковать в «Литературной газете» письма из Ленинграда.

Содержанием писем явятся литературная и театральная жизнь города.

— Мы приучим к вам читателей, — с азартом продолжал вмешиваться Петров. — Ваших писем будут ждать, как ждали рассказов Аверченко в «Сатириконе». Но для этого вы должны писать хлестко, ставить острые вопросы. Пусть это будут письма-фельетоны, письма-памфлеты... Надо придумать какой-нибудь занятный псевдоним.

Германа в конце концов увлекли редакторские замыслы Петрова, и он сам уже загорелся:

— Холодный философ — вот был псевдоним!

— Какие у вас тут районы? — вдруг спросил Петров.

— Ну, скажем, Василеостровский, Выборгский.

— А что если Невский? — легкомысленно предложил я. — Да еще Александр Невский! Сразу запомнится.

Герман рассмеялся и вопросительно посмотрел на Петрова.

— Не пойдет, — твердым редакторским голосом отрезал Петров. — Не маленькие, сами должны понимать. Какие районы есть еще в вашем городе?

— Петроградский, Московско-Нарвский...

— Петроградский? — переспросил Петров. — Юрий Петроградский... Каково?

— Юрия не будет, — возразил Герман.

— А кто будет? — спросил Петров.

— Александр. Не Невский, но Александр.

— Пусть будет Александр, — задумчиво повторил Петров. — Александр Петроградский... Александр Московско-Нарвский...

— Принимается, — сказал Герман. — Только не Московско-Нарвский, а просто Нарвский. Александр Нарвский.

На том и порешили.

20 июля 1938 года в «Литературной газете» появилась первое письмо А. Нарвского, 10 августа — второе, 20 августа — третье, 15 сентября — четвертое. Таким образом, Алек-

сандр Нарвский стал специальным корреспондентом газеты в Ленинграде, и бывали случаи, когда он выступал в ней даже дважды в месяц...

Вмешательство Петрова принесло свои плоды. Александр Нарвский — это коллективное детище Германа и Петрова — существовал недолго. Вскоре этот псевдоним отпал сам собой.

20 ноября «Литературная газета» напечатала очередное письмо из Ленинграда. Оно было озаглавлено «Сто представлений «Простой девушки», а подписали его Ю. Герман и я.

В те годы в Ленинграде жил и работал замечательный артист Эраст Гарин. Герман помнил Гарина еще по меиерхольдовскому «Мандату». «Прежде всего, Эраст Гарин — поэт, — писал тогда Герман. — Это главное, основное, решающее качество его таланта».

«Простая девушка» В. Шваркина была первой режиссерской работой Э. Гарина в Театре комедии. Следующей стала пьеса Ю. Германа «Сын народа».

Пьесу В. Шваркина театр впервые показал в феврале 1938 года, а к началу ноября она прошла уже сто раз. Мы с Германом решили написать об этом. Зачинщиком был Герман, стремившийся всячески поддержать Гарина на новом для него поприще театрального режиссера.

Любопытная деталь: констатируя, что в спектакле много актерских удач, мы отмечали в качестве одной

из них «исполнение роли управдома Макарова молодым артистом Филипповым, обнаруживающим незаурядное комедийное дарование».

Теперь, почти тридцать пять лет спустя, особенно приятно отметить, что мы тогда не ошиблись...

31 января 1939 года большая группа советских писателей была награждена орденами. Петров получил орден Ленина, Герман — орден Трудового Красного Знамени.

Вскоре Герман поехал в Москву за орденом. Когда он возвращался, друзья — и я в том числе — встре-

он стремился привлечь его и действительно привлёк к сотрудничеству в «Литературной газете».

Теперь речь пойдет еще об одном вмешательстве Петрова в работу Германа. Поставив в Ленинградском театре комедии пьесу Ю. Германа «Сын народа», Э. Гарин сыграл в ней главную роль.

«Сыном народа» заинтересовались другие театры, в том числе московский Театр железнодорожного транспорта.

О том, что произошло дальше, рассказывала заметка «Жестокий поступок», напечатанная в «Литературной газете» 20 мая 1939 года.

Евгений Петров и Юрий Герман, 1938 г.

тили его на вокзале и поехали к нему. Он весело рассказывал о московских встречах и о том, что его пригласил в гости Петров.

Герман достал из портфеля два тома выходившего тогда четырехтомного собрания сочинений Ильфа и Петрова.

— Классика! — сказал он, кладя книги на письменный стол. — Классик при жизни — вот кто такой наш друг Евгений Петрович!

Уже после смерти Германа я разыскал в его библиотеке эти подаренные Петровым тома. На первом из них надпись: «Дорогому Юрию Павловичу Герману искренне любящий его Е. Петров, 17 февраля 1939 г., Москва».

Я уже говорил о том, как Петров вмешивался в жизнь и работу Германа, как

«Безобразие» прекратить я не смог, и «Литератур-

Достаточно прочесть эти строки, чтобы понять, кому они принадлежат.

В довершение всего заметка сопровождалась дружеским шаржем работы известного художника-карикатуриста Николая Радлова. Художник изобразил на первом плане некоего молодого человека с искусственными усами, видимо, актера. Молодой человек сидит перед зеркалом. Всколоченный, небритый Герман (Н. Радлов уже не раз рисовал его таким и, несомненно, добился забавного сходства) наплевает актеру на голову нечто вроде пожарной наски. На заднем плане — вешалка. На ней висят костюмы: «Секретарь райкома», «Учитель», «Машинист»...

Четверть века спустя Герман так рассказал об этом эпизоде:

«Евгений Петрович Петров хорошо ко мне относился. Более того, мы были дружны. И вот однажды я согрешил... Описывать грехопадение не очень интересно. Коротко говоря, я написал вариант своей пьесы специально для театра, который желал одеть героя в форму своего ведомства. Петров позвонил мне из Москвы.

— Сейчас же запретите спектакль!

— Но...

— Один раз он был у вас учителем, сейчас он у вас машинист, а будет кем — хлебопеком? Послушайте — запретите!

— Евгений Петрович, дело в том, что театр...

— Я не Евгений Петрович сейчас. Я редактор «Литературной газеты». И если это безобразие не прекратится, мы «по вас» ударим!

— Вы? Ударите?

— Мы! Ударим! И больно!

«Безобразие» прекратить я не смог, и «Литератур-

ная газета» ударила — да как! И было очень стыдно».

Так рассказал о давнем грехе своей писательской молодости зрелый, умудренный жизненным опытом, маститый Герман. Конечно, он понимал, что и это вмешательство Петрова, несмотря на всю его резкость, было продиктовано любовью к нему, уважением к его писательскому дарованию, стремлением внушить это уважение и ему самому.

Но первая реакция Германа на заметку «Жестокий поступок» была далеко не такова.

В то утро он позвонил мне по телефону и потребовал, чтобы я немедленно явился. Свежий номер «Литературной газеты» уже пришел, и я сразу понял, в чем дело.

Как и следовало ожидать, Герман был в ярости.

— Ну что ты скажешь? — набросился он на меня, как будто я был автором «Жестокого поступка». — Да, Петров звонил мне из Москвы, предупреждал, требовал, чтобы я запретил спектакль. Легко сказать! Кто мне это разрешит? Неужели он не понимает?

И этот человек называет себя моим другом! Кому нужна такая дружба! Вместо того чтобы помочь, ослабил меня на всю Россию! И еще этот омерзительный шарж! Главное, никакого сходства! Это кто угодно, только не я!

Герман долго еще бушевал, но после того, как его жена Татьяна Александровна напоила нас крепким черным кофе, стал по-немногу успокаиваться.

На лестнице, прожояя меня, он вдруг подмигнул: — Честно-то говоря, Петров прав. Скверно вышло!

Однако печататься в «Литературной газете» Герман все-таки перестал.

Впрочем, вряд ли следует связывать это с заметкой «Жестокий поступок». Ведь уже не за горами были бурные события второй половины 1939 года — освободительный поход наших войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, война с белофиннами.

Герман побывал в Западной Белоруссии, а затем в качестве корреспондента ТАСС участвовал в боях на Карельском перешейке. Кстати, и о том, и о другом «Литературная газета» исправно сообщила своим читателям.

Петров тоже участвовал в финской войне и не раз проезжал через Ленинград — то из Москвы на фронт, то с фронта в Москву. И каждый раз навещал Германа. «Жестокий поступок» был забыт — сама жизнь отодвинула его в прошлое.

Л. ЛЕВИН